

ЖУРНАЛИСТИКА И РЕКЛАМА

УДК 070.1(091)

РОССИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПУБЛИКАЦИИ В ГАЗЕТАХ КАК ПРОВОКАЦИЯ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА

А. А. Антонов-Овсеенко

*Московский гуманитарный институт им. Е. Р. Дашковой
кафедра журналистики и рекламы*

В статье выявлена ведущая роль публикаций в российских и европейских газетах в провоцировании начала Первой мировой войны в 1914 г., а также ход наработки политических «очков» левым крылом российской социал-демократии в лице Ленина и большевиков. Продемонстрирована неготовность к участию в масштабном военном конфликте промышленно отсталой Российской империи, вскрыта коммерческая подоплека политических противоречий противостоявших друг другу в войне блоков и стран.

Ключевые слова: *газеты, война, социал-демократы*

«Ко второй мировой войне долго готовились, успели привыкнуть к тому, что она неизбежна; накануне Мюнхенского соглашения французы увидели генеральную репетицию: проводы запасных, затемнение, – вспоминал впоследствии поэт и писатель Илья Эренбург. – А первая мировая война разразилась внезапно – затряслась земля под ногами. Только много недель спустя я вспомнил, что "Эко де Пари" призывала вернуть Эльзас и Лотарингию, что еще в России на собраниях я клеймил союз Франции с царем – "царь получил аванс под пушечное мясо", что владелец булочной много раз говорил мне: "Нам нужна хорошая, настоящая война, тогда сразу все придет в порядок". А когда я проезжал через Германию, я видел заносчивых немецких офицеров. Все готовилось давно, но где-то в стороне, а разразилось внезапно» [9, с. 24].

Для России эта война означала не только начало конца царского дома, но и распад огромной империи, державшей в страхе страны и народы. С развитым сельским хозяйством, но с отстающей – в сравнении с передовыми европейскими и мировыми державами – промышленностью эта империя была еще и, как известно, раздираема внутривнутриполитическими противоречиями: ощущались последствия проигранной еще в самом начале века русско-японской войны (Россия задолжала немалые средства европейским державам, потраченные в ходе той неудачной войны), затем революции 1905–1907 гг. Кроме того, по свидетельству составителя вышедшего в 1912 г. статистического сборника «Россия в цифрах» Н. А. Рубакина, «центральным пунктом русской жизни» оставался «спор труда, капитала и земельной ренты в землевладении, то есть вопрос об отношении земледельцев и землевладельцев, считая в числе этих последних и правительство, государственную власть» [8, с. 97]. Дело в том, что в Российской империи, по данным Н. А. Рубакина, к

1912 году городское население относилось к сельскому как 86,3 к 13,7 %. Для сравнения: в Англии и Уэльсе 78,0 % населения проживало в городах и только 22,0 % – в сельской местности; в Германии (по данным 1910 г.) это соотношение было 57,0 к 43,0 %; во Франции (также на 1910 г.) – 41,2 к 58,8%, соответственно; в США – 41,5 к 58,5 % [8, с. 39]. То есть «перекос» в сторону занятости в сельском хозяйстве именно в Российской империи в сравнении с другими державами был огромным, что могло означать лишь одно: Россия не была готова к тому, чтобы на равных с другими державами участвовать в военном конфликте общеевропейского и мирового масштаба; новейшим вооружениям, применявшимся на полях сражений, Россия могла противопоставить лишь громадный людской ресурс – наскоро обученную крестьянскую массу.

Печальный итог участия России в мировой войне, таким образом, можно было, кажется, предсказать заранее, однако вместе с российской империей в результате войны распались и метко прозванная «поскутной» Австро-Венгерская, а также Германская и Османская империи. Но случилось это не сразу. За неполных четыре года от «официального» начала военных действий 28 июля 1914 г. до 11 ноября 1918 г. в эту страшную, небезосновательно охарактеризованную В. И. Лениным как «империалистическая бойня», мясорубку оказались втянутыми не только «великие» европейские, азиатские и американские державы, включая США, но и такие далекие, казалось бы, от европейских проблем и от театра военных действий малые страны, как Коста-Рика, Уругвай и Гондурас. Страны-участницы потеряли убитыми более 10 млн. солдат и около 12 млн. мирных граждан, около 55 млн. людей были ранены.

В России первые залпы войны прозвучали на страницах газет. Так, «Русское слово» в номере от 17 (30) июня 1914 г. в обзоре «Убийство наследника австрийского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда д'Эсте и его супруги герцогини Софии Гогенберг» [3] отчитывалось о событиях, связанных с терактом в Сараево, происшедшим за день до того, 28 июня. Конечно, Австро-Венгрия не могла оставить без ответа это злодеяние, и началась война заявлений, которые сыпались с обеих сторон одно за другим. То же «Русское слово» в номере от 28 июня (11 июля) 1914 г. сообщало, что «в германских руководящих кругах недовольны тем, что Франция открыто симпатизирует Сербии, и весьма откровенно заявляют, что ключ к европейскому миру находится в руках Петербурга» [4], а идеолог пангерманизма генерал Кейм выступил в газете Der Tag с «боевой» статьей, в которой призывал германское правительство, «в интересах прочности тройственного союза к вмешательству во внутренние дела Австрии и содействию разгрому Сербии» [4].

Напряженность в международных отношениях нарастала хотя и медленно, но неуклонно, что лучше всего ощущалось именно на примере газетных публикаций, демонстрировавших, как оказалось впоследствии, настоящий обратный отсчет к тому, чтобы у противостоявших держав появился повод начать боевые действия. Так, уже 12 (25) июля «Русское слово» пересказывало ноту австро-венгерского правительства в адрес Сербии угрожающего характера: в ноте требовалось, «чтобы Сербия признала, что

права ее не были затронуты аннексией Боснии и Герцеговины, и чтобы обязалась впредь отказаться от всякого протеста... Австрия требует затем, чтобы Сербия изменила курс своей политики по отношению к Австро-Венгрии» [5] и т.п., и т.д. Очевидно, что, публикуя подобные унижительные требования, Австро-Венгрия совершенно не рассчитывала на их удовлетворение Сербией, а готовилась к началу военных действий.

Сербия же по сведениям, полученным «Русским словом» из Белграда, решила оставить австрийскую ноту без ответа и допустить занятие Белграда австрийскими войсками, что, несомненно, вызвало бы ответные действия ее союзников в Европе и в первую очередь – России и Франции. И совершенно, кажется, ясно почему: речь шла не только и не столько о самой Сербии, сколько о глубоких геополитических противоречиях, раздиравших Европу и мир на два лагеря. Россия, Великобритания и Франция (Антанта) были лидерами одного из них, Австро-Венгрия, Германия и Италия (Тройственный союз) – другого. Малые страны так или иначе были вынуждены или изначально находиться в одном из лагерей и даже, как Сербия, служить яблоком раздора, или принимать решения по ходу разрастания конфликта. И расчет Сербии на вступление в войну ее союзников вполне оправдался. По сообщению «Русского слова» (в том же номере, где излагалось содержание австрийской ноты), один «весьма осведомленный сановник» заявил по поводу ноты буквально: «Положение исключительно серьезное. / Россия твердо и непреклонно решила поддержать Сербию. / Полное содействие Франции обеспечено. / Австрийский ультиматум квалифицируется как разбойничий набег» [5].

Лидер крайне левого крыла российской социал-демократии Владимир Ульянов (Ленин) в опубликованном вскоре после начала войны манифесте ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия» писал, что «во главе одной группы воюющих наций стоит немецкая буржуазия», которая «одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов, ради разрушения реакционного царизма. А на деле именно эта буржуазия, лакействуя перед прусскими юнкерами с Вильгельмом II во главе их, всегда была вернейшим союзником царизма и врагом революционного движения рабочих и крестьян в России. На деле эта буржуазия вместе с юнкерами направит все свои усилия, при всяком исходе войны, на поддержку царской монархии против революции в России» [7, с. 16]. Правда, наряду с меткой характеристикой действительных германских интересов, в последнем – в том, что касается «поддержки царской монархии», – Ленин, как показала история, ошибался: Германия была заинтересована и делала все для того, чтобы российская империя, наоборот, распалась.

Что характерно: ленинский манифест был также впервые опубликован и получил хождение в социал-демократических кругах именно со страниц выходившей в Швейцарии газеты «Социал-демократ» от 19 октября (1 ноября) 1914 г. О ведущей роли газетных публикаций в приближавшемся военном конфликте мирового масштаба говорит и тот факт, что половину объема пространно составленной австрийской ноты занимала тема антиавстрийской пропаганды в сербских газетах: «Австро-венгерское правительство вынуждено

просить сербское правительство официально заявить, что оно осуждает пропаганду, направленную против монархии, и обязуется принять меры к подавлению этой пропаганды... Королевское правительство должно опубликовать на первой странице официального органа 13 июля заявление с осуждением пропаганды и с выражением сожаления по поводу прискорбных последствий пропаганды, а также сожаления об участии в ней сербских офицеров и чиновников» (из того же номера «Русского слова» от 12 (25) июля) [5].

Наконец война, к которой, кажется, все были морально и материально готовы, началась. 26 июля (8 августа) «Русское слово» в описании ситуации приступило к публикации сводок с фронтов: «23 июля, около шести часов утра, т.е. за двенадцать часов до объявления нам войны, австрийцы у Волочиска открыли ружейный огонь по нашим часовым и взорвали свои устои железнодорожного моста через пограничную реку Збруч, но границы не перешли. / В Тарноруде, Цеханове и Сатанове началась ружейная перестрелка. / Наши разъезды, подходившие к Солодау, были обстреляны артиллерийским огнем» [6]. Далее в том же обзоре: «Через пять дней после Германии Австрия объявила России войну. Таким образом, венский кабинет положил конец неопределенности положения, созданного объявлением войны России Германией. Император Франц-Иосиф сжег свои корабли, и отныне империя Габсбургов разделит судьбу своей могущественной северной соседки и союзницы» [6].

«Был жаркий день; я шел, как всегда, по улицам Амстердама, не глядя в лица прохожих, – вспоминал потом русский эмигрант Илья Эренбург, – внезапно что-то меня озадачило; все взволнованно читали газеты, говорили громче обычного, толпились возле табачных лавок, где были вывешены последние известия... "Матэн" сообщала, что Австро-Венгрия объявила войну Сербии, Франция и Россия собираются сегодня объявить о всеобщей мобилизации. Англия молчит. Мне показалось, что все рухнет – и беленькие уютные домики, и мельницы, и биржа...» [9, с. 24]. В ночь на 2-е августа Эренбург пересек пешком франко-бельгийскую границу: во-первых, Франция гарантированно была военным союзником России, а, во-вторых, Париж для писателя, ввиду концентрации в нем массы русских политэмигрантов, был по существу таким суррогатом родины, ее очевидной частью. Поэтому очень нужно было попасть хотя бы во Францию, в Париж, раз невозможно было – в Россию, в Петербург – столицу занятого старательным подавлением любого инакомыслия полицейского государства. И главное, что «виноватыми» в военном конфликте по всей Европе оказывались обычные, простые люди, не питавшие враждебных чувств в отношении тех, против кого их гнали воевать национальные правительства: навстречу Эренбургу, из Франции «шли немцы и немки, с ребятишками, с тяжелыми узлами – они пробирались в Германию. Часовой как-то неопределенно – не то осуждающе, не то беспечно – сказал: "Вот и война!.."» [9, с. 24].

Ленина сложно было осуждать за его характеристики этой войны, данные им в манифесте «Война и российская социал-демократия», но нельзя и не отметить, что именно в этот период ленинцы, используя войну, приступили к набору политических «очков». Ленинцы и сам Ленин в своем манифесте

призывали к единому социалистическому фронту против войны в принципе, в целом, – на какой бы территории и чьими бы силами она ни велась. И этот призыв оказался особенно выигрышным в сравнении с поведением европейской социал-демократии, многие видные представители которой приступили к поддержке собственных национальных правительств в этой войне. Конечно, эти социалисты не могли противопоставить ничего существенного утверждениям Ленина о том, что именно «рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей, империалистической, стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее отсталых, восточноевропейских монархий неизбежно должны были привести и привели к этой войне. Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата – таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны» [7, с. 15]. В этих условиях Ленин возлагал именно на европейскую социал-демократию «долг раскрыть это истинное значение войны и беспощадно разоблачить ложь, софизмы и "патриотические" фразы, распространяемые господствующими классами, помещиками и буржуазией, в защиту войны» [7, с. 15]. Но ему пришлось «с чувством глубочайшей горечи» констатировать, «что социалистические партии главнейших европейских стран этой своей задачи не выполнили, а поведение вождей этих партий – в особенности немецкой – граничит с прямой изменой делу социализма» [7, с. 17].

Между тем не только Ленин и большевики вскрывали и разоблачали империалистическую сущность разраставшегося военного конфликта. Обычные российские, неподцензурные издания также прямо заявляли о коммерческой подоплеке происходящего. Например, «Русское слово» в номере от 28 июня (11 июля) 1914 г., в заметке под заголовком «Как Австралия побивает нас в Англии», сообщало: «Мы указывали недавно на грандиозный триумф, который праздновала Канада по поводу вытеснения русского импорта пшеницы в Англию импортом из Канады. / Такой же триумф празднует теперь другая английская колония – Австралия... Несмотря на блестящие урожаи России в 1912 и 1913 гг., австрийский импорт пшеницы в Англию был в 1913 году, если принять во внимание импорт муки и импорт из Новой Зеландии, по крайней мере в 2 раза больше импорта из России» [4].

Старейшее издание Российской империи – газета «Русский инвалид» также анализировала причины противоречий, существовавших не только между противостоявшими государственно-капиталистическими кланами, но и внутри них. В номере от 18 июня (1 июля) «Русский инвалид», в частности, сообщал: «Лондон. 17-го (30-го) июня. Палата общин. Сэр Джозеф Вольтон заявил, что он всегда считал англо-русскую конвенцию в некоторых отношениях невыгодной для британских интересов, но что на Великобритании лежит столько ответственностей, что если даже эта конвенция и не удовлетворяет ее вполне, то она все же ей необходима. Великобритании было чрезвычайно выгодно установить дружественные международные отношения

с такой великой державой, как Россия, и он не завидует ей в том, что она получила в Персии самые лакомые куски» [1].

Тот же «Русский инвалид» еще до начала активных военных действий, в номере от 16 (29) июля сообщал о предпосылках возникновения Тройственного союза – в пересказе заметки из старейшей, появившейся еще в XVIII в. в Германии газеты *Vossische Zeitung* (производное от имени ее создателя К. Ф. Фосса, 1724–1795). Оказалось, что в предисловии к заключенному еще 7 октября 1879 г. австро-германскому договору сказано, что «это договор мира и защиты, долженствующий обеспечить покой народам обеих монархий; в статье I сказано, что если, вопреки ожидания и желания договаривающихся держав, одна из них подвергнется нападению России, то обе державы обязаны помочь друг другу всеми своими вооруженными силами» [2]. Далее *Vossische Zeitung* задается вопросом о том, «кого считать нападающим» на текущий момент второго десятилетия XX в. – поскольку очевидно, что по внешним признакам официально войну начинают как раз Германия и Австро-Венгрия, а не Россия. И делает тот весьма оригинальный вывод, что «нападающим считается не тот, кто объявил войну, а тот, по чьей вине сохранение мира сделалось невозможным» [2]. Читатель, таким образом, подталкивался к очевидному для *Vossische Zeitung* выводу о том, что сохранение мира сделалось невозможным по вине России, поддержавшей Сербию в ее споре с Австро-Венгрией. Читатели в Германии и Австро-Венгрии к этому выводу, может быть, и приходили. Но «Русский инвалид» демонстративно оставил его без комментариев – настолько читателям в России в то время было очевидно обратное.

Таким образом, именно публикации на страницах европейских газет провоцировали нарастание напряжения в международных отношениях и непосредственно, шаг за шагом, приближали начало реальных военных действий на фронтах.

Список литературы

1. Б/п. Б/н. [Текст] // Русский инвалид. – 1914. – 18 июня (1 июля). – С. 1.
2. Б/п. Б/н. [Текст] // Русский инвалид. – 1914. – 16 (29) июля. – С. 2.
3. Б/п. Убийство наследника австрийского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда д'Эсте и его супруги герцогини Софии Гогенберг [Текст] // Русское слово. – 1914. – 17 (30) июня. – С. 1.
4. Б/п. Как Австралия побивает нас в Англии [Текст] // Русское слово. – 1914. – 28 июня (11 июля). – С. 1.
5. Б/п. Б/н. [Текст] // Русское слово. – 1914. – 12 (25) июля. – С. 2.
6. Б/п. Б/н. [Текст] // Русское слово. – 1914. – 26 июля (8 августа). – С. 2.
7. Ленин, В. И. Война и Российская социал-демократия [Электронный ресурс] // Полное собрание сочинений. Т. 26 / В. И. Ленин. – Режим доступа: – http://libelli.ru/marxnew/len_pss.htm. – Дата обращения: 21.12.1012. – Загл. с экрана.
8. Рубакин, Н. А. Россия в цифрах [Текст] : в 2 т. / Н. А. Рубакин. – СПб. : Изд-во «Вестника знания», 1912. – Т. 2. – 685 с.
9. Эренбург, И. Собрание сочинений [Текст] : в 8 т. / И. Эренбург. Т. 6 : Люди, годы, жизнь. Кн. 1. – М. : Художественная литература, 1996. – 656 с.

**RUSSIA AT THE EVE OF THE FIRST WORLD WAR: THE ROLE OF
NEWSPAPERS PUBLICATIONS BEFORE COMING WAR'S CONFLICT**

A. A. Antonov-Ovseenko

Moscow Humanitarian Institute named E. R. Dashkova
The department of journalism and advertising

An article shows us general role of publications in Russian a European newspapers in provocation actions at the beginning of the First World War in 1914 y. and the course developments of political points of "left wing" Russian social-democratism in the Lenin's person and Bolsheviks. Was demonstrated reluctance for taking part in great war conflict industrially-retrograde Russian Empire, opened commercial motive political contradictions resists to each other in war of units and countries.

Key words: *Newspapers, war, social-democratism*

Об авторах:

АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО Антон Антонович –
доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и рекламы
Московского гуманитарного института им. Е.Р. Дашковой (127349, Москва,
ул. Лескова, 6, к. Б), e-mail: anton.antonov.ovseenko@gmail.com